

Я впервые заглянул в мир часов 25 лет назад, когда только-только поступил в университет. Родители сказали, что хотят подарить мне на 18-летие часы в пределах 700 швейцарских франков — тогда для меня (да и для моих родителей) это была огромная сумма. Они мне предложили выбрать часы самому, но я про часы ничего не знал. Начал спрашивать у других, кто что носит. И вот один раз сижу на лекции, а рядом со мной парень со спортивными часами на руке. Я спросил, что это. Он говорит: «Ролекс GMT Мастер» (Rolex GMT Master). Я про такие и не слышал никогда... Поинтересовался, сколько стоит, а он мне — 4 800 франков! Я прямо обалдел. «И какой идиот, — думаю, — тратит столько денег на часы?» Я в то время за год столько не получал (хотя по вечерам подрабатывал в кинотеатре контролером билетов, по субботам — продавцом электроники и еще давал частные уроки математики). Меня такое зло взяло, что я этого малого обругал ни за что ни про что. Тогда, наверное, и проскочила первая искра, от которой все потом и загорелось. На третьем курсе нам задали первый и единственный проект на свободную тему (только с одним условием: тема должна быть на стыке инженерного дела и социологии). Я к тому времени еще не отошел от случая с «ролексом» и решил провести исследование на тему дорогих часов, а точнее — выяснить, зачем одни их производят, а другие покупают. За три месяца мне удалось взять интервью у гендиректоров «Жежер-ЛеКультр» (Jaeger-LeCoultre), «Одемар Пиге» (Audemars Piguet) и «Брегет» (Breguet), а также у Жеральда Жента. В престижном сегменте часового рынка дела тогда обстояли совсем не так радужно, как сейчас. Производители после кварцевого кризиса балансировали на грани банкротства. Но люди, с которыми я поговорил, заразили меня своей увлеченностью, своим стремлением сохранить часовые традиции. Я понял, чего ради мастера трудятся над своими механическими шедеврами. Я загорелся и стал откладывать на первые «настоящие» часы. Но мне и в голову не приходило, что когда-нибудь я приду в эту отрасль. Тогда я планировал стать маркетологом, устроиться в «Проктер энд Гэмбл» или «Нестле» и попросить их по возможности перевести меня куда-нибудь подальше от Швейцарии. Но жизнь никогда не идет по плану, особенно если тебе двадцать с небольшим... Месяца за три до выпуска мы с друзьями катались в Вербье на горных лыжах

и зашли в ресторанчик на склоне чего-нибудь выпить. И там я неожиданно столкнулся с Анри-Джоном Бельмоном, гендиректором «Жежер-ЛеКультр», у которого как раз брал интервью. Он был с семьей и пригласил меня за их столик. Мы минут 15 поговорили о часах, и, когда они уже собирались уходить, я в шутку бросил: «А что, если в «Проктер» меня не возьмут, может, к вам устроюсь?» Посмеялись мы и разошлись. А через неделю он мне позвонил и предложил приехать в Ле-Сантье — поговорить. Там Бельмон провел меня по фабрике и часа три с жаром, с энтузиазмом рассказывал, как они собираются возродить компанию. И вот в конце этой увлекательной трехчасовой тирады он ни с того ни с сего поворачивается ко мне и говорит: «Ладно, берем тебя на работу». Я решил, что ослушался, и переспросил. Он повторил. Я тогда говорю: «Какую работу?» «Руководителя направления, — отвечает Бельмон. — Все новые модели мы будем создавать вместе!» В голове пронеслась куча возражений. Я собирался работать в транснациональной корпорации, поднимать продажи мыла в Азии! А вместо этого мне предлагают какую-то полуразвалившуюся фабрику в Валле-де-Жу... В общем, я попросил у Бельмона время на размышление. Он согласился, но сказал: «Подумай сам, чего тебе хочется: быть песчинкой в компании, где работает 100 000 человек, или вместе с тремя-четырьмя единомышленниками поднимать на ноги «Жежер-ЛеКультр»?» На следующее утро я ему позвонил и сказал, что согласен. Это было двадцать лет назад... Но если бы не часы, я мог бы стать автомобильным дизайнером. Лет с четырех и до 18 я любой клочок бумаги, все свои книги, все учебники изрисовывал машинами. Когда я заканчивал школу, Колледж дизайна «Арт Сентер» (г. Пасадина), лучший в мире институт автомобильного дизайна, открыл филиал в Европе — буквально в 20 километрах от нашего дома! Я решил, что это судьба. Сказал отцу, что хочу там учиться. Он у меня спросил, во что это обойдется. Пятьдесят тысяч в год. Помню, отец от этой суммы изменился в лице. Он мне тогда ничего не ответил, но неделю спустя сказал, что раз уж мне так хочется, то он эти деньги найдет. Хотя я был юношей довольно-таки эгоистичным, я, к счастью, все же понял, что для моих родителей это сумма неподъемная и сказал, что лучше пойду учиться на инженера, а специализироваться буду на дизайне. И вот через несколько месяцев я сидел на лекции рядом с парнем, у которого на руке был «ролекс»... ★

Максимilian Бюссер
дизайнер автомобилей